

Научная статья

УДК 94(571.122)

<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-2>

Сургут как пример противостояния власти и оппозиции во второй половине 1880-х годов

Олег Анатольевич Милевский

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

olegmilevsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4613-826X>

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена острым обсуждением в обществе исторической судьбы российской государственности. Цель исследования заключалась в рассмотрении вопроса о противостоянии самодержавной власти и радикальной оппозиции на примере локального регионального материала, а именно Сургута. Автор проанализировал причины столкновения политических ссыльных с местной администрацией, вошедшие в историю под названием «Сургутский протест». Показано, что самодержавная власть в лице ее представителей как в центре, так и на местах своими иногда чрезмерно жестокими действиями провоцировала конфликты с оказавшимися в ссылке «политическими преступниками». В свою очередь это подрывало имидж российского правительства за границей и массово пополняло ряды недовольных внутри страны, что и явилось одной из ключевых причин падения российской монархии.

Ключевые слова: самодержавие, революционеры-народники, либерализм, политическая ссылка, Сургутский протест, Якутская трагедия

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Милевский О. А. Сургут как пример противостояния власти и оппозиции во второй половине 1880-х годов // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25, № 4. С. 17–27. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-2>.

Original article

Surgut as an example of confrontation between the authority and the opposition in the second half of the 1880s

Oleg A. Milevsky

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

olegmilevsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4613-826X>

Abstract. The relevance of the article is associated with the heated discussion of the historical fate of the Russian statehood by society. The purpose of the study is to consider the issue of confrontation between the autocratic power and the radical opposition on the example of Surgut. The author analyzed the reasons for the clash between political exiles and the local administration, which went down in history as the “Surgutsky protest”. It is shown that the autocratic power in the person of its representatives both in the centre and locally provoked conflicts with exiled “political criminals” by their sometimes excessively cruel actions. In turn, it undermined the image of the Russian government abroad and greatly increased the number of dissatisfied people inside the country, which was one of the key reasons for the fall of the Russian monarchy.

Keywords: autocracy, the Narodniks, liberalism, political exile, Surgutsky protest, Yakutskaya tragediya

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Milevsky O. A. Surgut as an example of confrontation between the authority and the opposition in the second half of the 1880s. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2024;25(4):17–27. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-2>.

ВВЕДЕНИЕ

В истории России XIX в. называют «железный век» [1]. Такое название исследователи связывают с тем, что это было время бурных общественных потрясений, ранее невиданных в Российской империи. Именно в XIX в. стремительно нарастало противостояние власти и той части общества, которая находилась в оппозиции (как либеральной, так и революционной). В поэтической форме это выразил один из лидеров Боевой организации партии эсеров и поэт Б. В. Савинков:

«Железные люди
Бьются,
И алая кровь струится.
Я бы хотел проснуться
И помолиться» [2, с. 707].

В определенные моменты противостояние являлось скрытым, но иногда оно выражалось открыто, например, 14 декабря 1825 г. Однако важно, что до падения самодержавия в феврале 1917 г. оно окончательно не исчезло, то чуть затихая, то разгораясь с новой силой.

Спор о том, кто ответственен за это жестокое столкновение носителей столь разнящихся идеологических концептов, погубившее Российскую империю, длится уже более полутора веков. В разные исторические эпохи виновниками противостояния назначались прямо противоположные стороны конфликта. В имперский период российской государственности ими традиционно выступали радикалы и либералы, их поддерживавшие, в советский период наоборот – представители правящих классов, группировавшиеся вокруг династии Романовых. В постсоветский период российское обществоведческое и историческое сообщество разделилось на сторонников первого подхода и защитников второго, что напрямую повлияло на шкалу оценок тех или иных сюжетов российского освободительного движения, породив по этому поводу дискуссии [3–6].

Апогеем столкновения диаметрально противоположных подходов в оценке народолюбчества стала полемика между Н. А. Троицким и А. А. Левандовским на страницах журнала «Родина» [3, 4]. По меткому замечанию В. А. Твардовской, для Н. А. Троицкого революционеры 1870–1880-х гг. – «народо-

любцы и тираноборцы», для А. А. Левандовского – «бомбисты», лишённые нравственных принципов (сродни авантюристам и карьеристам от революции)» [5, с. 9]. «Их безоглядная и беспощадная борьба с властью постепенно приобретала иррациональный характер: она во все большей степени велась под диктовку не разума, а одного из самых разрушительных чувств, которые владеют человеком – ненависти, – утверждает А. А. Левандовский, делая знаменательный вывод: «Наверное, именно это помогло Исполнительному комитету <...> добиться невозможного: внушить верхам ощущение кризиса <...> Но та же причина привела в конце концов и к катастрофе на Екатерининском канале <...> Россия же обрекла на многолетнюю полосу томительной беспросветной реакции» [1, с. 91].

Современная ситуация в мире еще сильнее обострила градус подобных научных дискуссий. Это стало проявляться особенно ярко в условиях непримиримого идеологического противостояния России и Запада, когда западные элиты, а также интегрированная с ними часть российской несистемной оппозиции всюду пытались и пытаются повлиять на внутривнутриполитическую ситуацию, фактически сделав ставку на российскую «цветную революцию» и возможный распад страны. В такой обстановке отечественный политический класс активно поднимает вопрос о необходимости сбережения традиционной российской государственности и это справедливо. Но это же дало повод некоторым историкам и публицистам [7–9] для очередной «идеологической проработки» всех оппозиционных элементов, боровшихся с царизмом, теперь уже как носителей антигосударственных деструктивных начал и сокрушителей тысячелетней российской государственности. Причем современные российские охранители, поддерживающие вышеуказанную тенденцию, пренебрегают даже принципом историзма, без которого объективное познание исторического прошлого невозможно, а иногда и просто допускают фальсификацию фактов. Целью данной статьи, написанной на локальном региональном материале, является попытка показать, как развивалось подобное противостояние

между властью и радикальной оппозицией, представленной колонией политических ссыльных, на периферии империи в городе Сургуте.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Доказательная база работы основана, прежде всего, на воспоминаниях участников российского революционного движения и служащих царской полиции 1860–1880-х гг., опубликованных в советское и постсоветское время. Источниками исследования послужили также материалы Государственного архива в г. Тобольске, которые позволили выявить некоторые важные аспекты организации жизни ссыльных в г. Сургуте. В качестве ключевых методов в статье использованы методы анализа и синтеза, а также историко-генетический метод, который, на примере конкретного города, позволил выяснить основные закономерности и особенности взаимоотношений власти и оппозиции в Российской империи во второй половине XIX в. При этом автор не претендовал на всеобъемлющий охват проблемы, требующей широкого научного обсуждения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Эпоха конца 1860-х – начала 1870-х гг. в Российской империи являлась временем бурного общественного подъема, во многом вызванного реформами 1860-х гг. Для российской образованной молодежи это был период поиска путей дальнейшего социально-политического развития страны. Огромное воздействие на формирование социального мировоззрения поколения 1870-х гг. оказывали с помощью своих произведений новоявленные «революционные пророки». Сердцами передовой части молодого поколения в это время завладели автор книги «Исторические письма» (1869) П. Л. Лавров и «апостол всемирного разрушения» М. А. Бакунин, перу которого принадлежал труд «Государственность и анархия» (1872). Именно под влиянием этих неординарных личностей и началось знаменитое «хождение в народ» 1874–1875 гг.

Бескорыстная и романтизировавшая простой народ молодежь обратилась к нему с целью

пропаганды социалистических идей. Русский крестьянин весьма настороженно отнесся к пропагандистам. По мнению ряда участников этого движения, убедившись, что народ совсем не тот, каковым его представляла восторженная молодежь в большинстве своем либо вернулась бы в студенческие аудитории, либо пополнила бы крайне левую часть земского движения [10, с. 213; 11, с. 205].

Иначе думало правительство. Оно испугалось этого нового, непонятного и в определенной степени иррационального порыва молодежи, и как это часто бывало в России, решило искоренить революционную крамолу силой. По всей стране начались аресты и настоящая охота за пропагандистами. По указанию из Зимнего дворца и по инициативе прокурора Саратовской судебной палаты С. С. Жихарева, главы Московского губернского жандармского управления генерала И. Л. Слезкина было инспирировано гигантское дело «О пропаганде в Империи», по которому власти арестовали только в 26 губерниях более 4 тыс. человек [12, с. 77].

Желая выслужиться и получить новые чины и звания, Жихарев, Слезкин и их подручные плели для высших правящих сфер паутину масштабного заговора, управляемого якобы из одного центра и охватившего всю империю. При этом жизнь мало в чем виновных пропагандистов в этой погоне за чинами и наградами в расчет не бралась. В результате подследственные проводили в одиночных камерах тюрем по всей стране от одного года до четырех лет. Многие из них впоследствии погибли или сошли с ума. Так, при подготовке «Процесса 193-х», из лиц, привлеченных к следствию, до начала процесса 43 человека умерли, 12 человек покончили с собой, 38 человек сошли с ума [13, с. 158].

В оценке выдающегося русского юриста А. Ф. Кони, которого трудно упрекнуть в симпатиях к революционерам: «Жихарев – палач, для которого десять Сахалинов вместе взятых, не были бы достаточным наказанием за совершенное им в середине 1870-х гг. злодейство по отношению к молодому поколению» [13, с. 157], а таких жихаревых у основания трона стояли сотни, если не тысячи.

Облава на радикально настроенную молодежь коснулась и удаленного от центра империи Сургута. Вскоре он и ему подобные населенные пункты потребовались властям для отправки осужденных по первым большим политическим процессам. Наиболее значительными из них являлись состоявшиеся в 1877 г. «Процесс 50-ти» (март), процесс Южнороссийского рабочего союза (май), а также «Процесс 193-х» (май 1877 г. – январь 1878 г.).

Обстановка во время подготовки этих судебных разбирательств в обществе складывалась предельно напряженная. Атмосфера насилия во многом нагнеталась именно властями, активно применявшими внесудебные расправы во время протестов молодежи, арестованных за политические преступления. Наиболее показательная история произошла в Санкт-Петербурге в Доме предварительного заключения (ДПЗ), где 13 июля 1877 г. по незаконному приказу [14, с. 34] столичного градоначальника Ф. Ф. Трепова арестованного студента А. С. Емельянова (Боголюбова) наказали розгами. В результате в ДПЗ вспыхнули серьезные беспорядки, для подавления которых задействовали полицейских, устроивших избиение безоружных протестовавших узников [15, с. 232–243]. В усилившейся конфронтации между обществом и властью все чаще использовались репрессивные меры. Это проявлялось как в сворачивании открытых судебных процессов по политическим делам, так и в ужесточении судебных приговоров.

Постоянно эскалируемое политическое насилие со стороны властей провоцировало радикалов взяться за оружие. Вестником народнического террора стал выстрел 24 января 1878 г. В. И. Засулич в столичного градоначальника Трепова – спираль насилия и контрнасилия стремительно раскручивалась.

Вскоре правительство для борьбы не только с революционными, но и либеральными веяниями стали широко использовать институт административной высылки «в места отдаленные» без суда. И в сложившихся условиях такие районы Российской империи, как Тобольский Север, приобретали важное значе-

ние именно как центры политической ссылки. В пользу превращения этого региона в таковой играла его малонаселенность, отсутствие транспортных коммуникаций, суровый климат и исторические традиции. Эти места помнили еще жертв «дворцовых переворотов» XVIII в., начиная с А. Д. Меншикова. По данным Л. П. Роцевской, в конце 1870–1880-х гг. на Тобольском Севере побывало в ссылке около 150 человек [16, с. 400–410].

Изначально Сургут ничем особым на фоне других населенных пунктов, принимавших ссыльных, не отличался. Первыми вступившими на его территорию «государственными преступниками» оказались член Южнороссийского рабочего союза Виталий Мрачковский и рабочий Николай Васильев, осужденный по «Процессу 50-ти», прибывшие в этот населенный пункт осенью 1877 г. Но уже к началу 1880-х гг. сформировалась небольшая ссыльная колония, пополнявшаяся выходцами из образованной среды: Д. Д. Лейвиным, Н. Я. Фалиным, Л. А. Ивановым и С. П. Швецовым [16, с. 407–409].

Первое появление ссыльных преобразило сургутскую жизнь. Они оказались людьми образованными, активными и умелыми. В это время по инициативе ссыльных в Сургуте возникли столярная мастерская и кузница. Они занимались переплетным делом, починкой часов, а также вели доступные им научные изыскания (изучали природу края, этнографию), фиксировали метеонаблюдения [17, с. 112–115].

Однако и в этой сибирской глубинке ссыльных настигали российские события. Противостояние власти и революционеров только усиливалось. Народничество «розовой юности» сменилось деятельностью крайне опасной для правительства партии «Народная воля». Столкновение революционеров с властью закончилось царевбийством 1 марта 1881 г. Эти процессы повлияли на положение ссыльных, без того строгий надзор за которыми резко усилился.

В архиве сохранился документ от 22 сентября 1881 г., подписанный Тобольским губернатором В. А. Лысогорским. Он предписывал местным органам власти «стро-

наблюдать за тем, чтобы поднадзорное лицо не только не имело возможности оставить назначенное для него место жительства, но даже временно не отлучалось бы за черту поселения» [18, л. 388 об]. Вводился не только унижительный контроль, по которому местные полицейские стражники и жандармы могли в любое время вламываться в жилище, нанимаемое ссыльным, а жители домов, где они квартировали, обязаны были специальными подписками сообщать обо всей их деятельности властям [19, с. 69]. Жестче всего был запрет на отлучки за черту поселения при скудном и нерегулярно поступавшем денежном довольствии ссыльных, да еще и в северном регионе, где люди жили за счет реки и тайги – это фактически обрекало их на полуголодное существование.

Причем в глухих лесных и болотистых районах Тобольского Севера подобные «строгости» зачастую не имели никакого смысла. О такой абсурдной ситуации в своих ходатайствах писали и сами ссыльные. Например, в прошении к губернатору кондинского ссыльного Д. Пршибасова: «Вследствие распоряжения Экспедиции о ссыльных я заключен в Кондинское общество по категории лишенного всех прав состояния с трехлетнюю льготу. Таким образом, я должен был бы пользоваться пайом в тех промыслах, которыми занимаются здешние крестьяне. К сожалению, пай у меня есть, но пользоваться им по причине запрещения отлучки за черту селения, я не в состоянии. Между тем, если Ваше Превосходительство вспомните положение села Кондинского, то увидите, что из окрестностей гораздо труднее бежать, чем из самого селения. Все же промыслы находятся вне селения. Ввиду этого я осмеливаюсь беспокоить Ваше Превосходительство просьбою о разрешении мне выезда на промыслы под поручительство кого-нибудь из старожилов. При этом я должен прибавить, что отлучаться на промыслы всегда приходится с народом, вследствие чего бегство невозможно, и что без подобных отлучек приписка к обществу и трехлетняя льгота для меня не имеют никакого значения. Отлучаться на промыслы приходится недалеко

и ненадолго, причем я все также могу согласно подписке являться 1 раз или даже 2 в неделю к начальству, под надзором коего я состою» [20, л. 123 об].

Вся эта мелкая и унижительная опека ссыльных естественным образом провоцировала новые беспорядки и столкновения их с властями. В этом плане особенно отличалась Тобольская губерния. По оценке того же Д. Кеннана (близко знакомого с российской ссылкой), положение политссыльных в губернии было несравнимо хуже, нежели в соседней Томской [21, с. 83]. Значимо, что состав политической ссылки стал пополняться не мирными пропагандистами-семидесятниками, а более решительными в поступках народовольцами – отсюда и рост протестной активности ссыльных, в том числе побегов из мест поселения.

В такой ситуации власти не нашли ничего лучшего, чем создать из Сургута настоящую «тюрьму без стен», чтобы отправлять туда наиболее «отпетых» врагов трона, находившихся в Тобольской губернии. На один из запросов Министерства внутренних дел (МВД) в 1883 г. губернатор ответил, что «наиболее удобным местом для ссылки является Сургут, так как он расположен вдали от крупных городов и главного сибирского тракта, а население там наиболее отсталое и не поддается пропаганде» [22, с. 61].

Такая политика начала реализовываться в 1884–1885 гг., но окончательное воплощение получила уже при новом губернаторе В. А. Тройницком в 1886 г. В результате к зиме 1887–1888 гг. в Сургуте находилось 25 политссыльных [22, с. 61]. Это была одна из самых больших ссыльных колоний не только в Тобольской губернии, но и во всей Западной Сибири. Абсолютное большинство из них попадало в Сургут из других мест губернии за различные правонарушения и столкновения с властями. Так, в 1884 г. из Ишима в Сургут перевели В. А. Броневского, дважды пытавшегося бежать, в 1885 г. из-за подозрения в подготовке побега оттуда же – Д. И. Ослопова, а в 1886 г. из Туринска – народовольца Я. И. Дибобеса. В 1887 г. из того же Туринска в Сургут отправили В. Я. Яковлева (Богучар-

ского), докучавшего властям защитой законных прав ссыльных, а вместе с ним и еще несколько «туринских протестантов», в их числе: И. И. Лазаревича, Я. А. Меримкина, Л. В. Колегаева, В. А. Вадзинского, П. И. Зарембо, С. А. Боуфал. Из Ялуторовска прибыли наиболее активные участники «столкновения с властями 1884 г.» и участники «систематических отлучек за город»: М. П. Орлов, А. В. Молдавский, А. Н. Лебедев и Н. Л. Зотов [19, с. 39].

Таким образом, состав новой ссыльной колонии Сургута сформировался преимущественно из лиц, настроенных по отношению к властям негативно и решительно. До их прибытия взаимоотношения между ссыльными и местными властями тоже складывались не просто, что находило отражение в неоднократных рапортах последнего.

Следует признать, что идея губернатора превратить Сургут в центр скопления наиболее опасных в глазах властей политических преступников строилась только на основе географического положения этого населенного пункта, без учета других объективных факторов. Во-первых, это отсутствие хотя бы минимальной социальной инфраструктуры, которая давала бы возможность ссыльным, среди которых находилось немало образованных людей, по-иному приложить свои силы. Во-вторых, Сургут оказался слишком мал для размещения в нем большой колонии ссыльных. Условно говоря, в пиковый период 1887–1888 гг. на менее чем 50 жителей приходился один ссыльный. Это создавало ощутимые трудности для получения ссыльными хоть какого-нибудь дополнительного заработка. В-третьих, власти не учли и «полицейского» фактора, то есть нехватку личного состава надзирателей для организации должного (с точки зрения существовавших в губернии регламентов. – *прим. авт.*) контроля за поднадзорными.

При сложившейся в Сургуте обстановке вероятность столкновения политссыльных с администрацией оставалась высокой, спровоцировали это столкновение именно официальные власти. Поводом явилась тяжелая болезнь одного из самых уважаемых ссыльных

Льва Иванова. У него началось воспаление спинного мозга, парализовало руку и ногу, отнялся язык. Эффективной помощи он в городе получить не мог. Единственный врач Соковнин, прославившийся как беспробудный пьяница, страдал запоями и полностью деградировал. Товарищи Иванова собрали необходимую сумму денег и обратились к губернатору Тройницкому с просьбой разрешить Иванову временный перевод в Тобольск, где его поместили бы в больницу для оказания требуемой медицинской помощи [23, с. 125]. На неоднократные просьбы ссыльных о переводе Иванова губернатор долго не отвечал, хотя это решение находилось полностью в его компетенции. Когда Иванов получил разрешение на выезд в Тобольск, он был уже так плох, что по дороге 29 мая 1887 г. умер. Встречавшие его в Тобольске ссыльные на свои деньги организовали похороны, которые вылились в настоящую политическую демонстрацию [22, с. 58].

Смерть Иванова стала толчком к дальнейшим событиям, напрямую затронувшим не только Сургут, но и отразившимся впоследствии на всей российской внутривнутриполитической ситуации. Власти явно недооценивали недовольство ссыльных ситуацией, сложившейся в городе. Они никак не реагировали и на постоянные жалобы ссыльных, касавшиеся доктора Соковнина, который не хотел оказывать им медицинскую помощь.

Обстановку еще более усугубила история, произошедшая в конце 1887 г. в семье политссыльного Колегаева. Он пришел к Соковнину за срочной помощью для своей маленькой дочери, отравившейся уксусной эссенцией, но натолкнулся на отказ пьяного врача идти на вызов. После долгих споров Соковнин согласился помочь ребенку только после требования через полицию и лишь в ее сопровождении. Впоследствии ссыльные написали на него жалобу, подписанную 20 фамилиями, по которой было заведено «Дело по заявлению политических ссыльных г. Сургута о нетрезвой жизни кружного врача Соковнина» [24].

В декабре 1887 г. последовал новый случай. Теперь он произошел с заболевшими Лазаревичем и Яковлевым. Врач не смог установить

диагноз и признал их здоровыми. В результате губернатору отправили очередное прошение о перемещении в тобольскую больницу, так как «при существующих в Сургуте условиях никакое лечение немыслимо» [22, с. 58]. В Тобольске власти снова не отреагировали.

Следствием бездействия властей стало то, что 22 декабря 1887 г. ссыльные Сургута написали коллективное заявление губернатору. Ответа от него и на это обращение не последовало. Ничего не изменилось и в плане медицины. Более того, власть как будто нарочно делала все, чтобы ситуация полностью вышла из-под контроля: рецепты, написанные ссыльными врачами, признавались недействительными, в аптеке не выдавали уже никаких медикаментов, а больницу закрыли [22, с. 60]. Взаимоотношения между исправником и ссыльными обострились до крайности, любая случайность могла привести к мятежу.

Понятно, что в такой ситуации сургутские политссыльные ощущали себя как в осажденной крепости, недоверие их к любым представителям власти было полным. Но они пока пробовали действовать легальным порядком, 19 января 1888 г. отправив в Тобольск очередное заявление. В нем поднадзорные напоминали, что они ждут губернаторского ответа и предупреждали, что «если со следующей почтой ответа не будет, мы примем молчание за отказ» [22, с. 60]. Губернатор по-прежнему молчал, видимо, демонстрируя твердость власти, которая оказалась на стороне давно деквалифицировавшегося доктора и исправника, покрывавшего его.

Тогда ссыльные составили петицию под названием «Гонения политических ссыльных в Сургуте» и 16 февраля 1888 г. отправили ее министру внутренних дел Д. А. Толстому [22, с. 60]. Основной упор в этом послании сделан на беззакониях «таких усердных администраторов», как губернатор Тройницкий. В заключении своего обращения они указывали, что использовали все легальные способы: «Отныне мы перестаем признавать его (губернатора. – *прим. авт.*) власть и всякие исходящие от него распоряжения не считаем обязательными. Условия ссылки и по су-

ществу своему тяжелы, чтобы гнет их мог еще быть увеличен произвольными и беззаконными распоряжениями подобных администраторов» [22, с. 61].

Фактически с начала 1888 г. политссыльные полностью игнорировали распоряжения как губернской, так и местной власти. Тогда же они решили организовать побег своих товарищей Лазаревича и Лебедева с тем, чтобы они смогли известить общественность России об условиях ссылки в Тобольской губернии. Побег состоялся в ночь с 18 на 19 февраля 1888 г., причем в его организации принимали участие и местные жители: И. Ф. Кайдалов, его супруга Дарья Ивановна, Л. И. Кушников [25, с. 103].

Беглецы смогли доставить сведения о событиях в Сургуте и произволе властей в Европейскую Россию. Документ «Гонение политических ссыльных в Сургуте» так же, как и последующий «Протест русской политической ссылки» попали и за рубеж. После успешного побега ситуация вышла на новый уровень эскалации.

Губернские власти, окончательно убедившись, что потеряли контроль над ситуацией в Сургуте, приняли решение о расселении сургутской колонии ссыльных, но сначала нужно было перехватить инициативу. Для этого в ночь с 17 на 18 марта 1888 г. была проведена специальная полицейская операция по захвату ссыльных, которую осуществила тайно прибывшая в город полицейская команда во главе с тобольским полицмейстером Пасынковым [22, с. 65].

После облавы арестованных на подводах вывезли из Сургута. Их разбросали по различным селениям «низовой Оби». Но и этого властям оказалось мало. Летом 1888 г. началось следствие по этому делу, и большую часть участников Сургутского протеста перевезли в различные тюрьмы губернии.

В ходе расследования Сургутского протеста МВД приняло следующее решение: М. Д. Гуревича, А. Т. Вадзинского, В. Я. Яковлева, А. В. Молдавского, а также Н. Л. Зотова, И. М. Соколова и М. П. Орлова отправить в Якутскую область, а остальных расселить по селам Обского Севера [22, с. 71].

Казалось бы, инцидент исчерпан, и власть может торжествовать. Но время показало, что это была пиррова победа. «Сургутская история», получившая огласку, еще более обострила отношения между властью и оппозиционной частью общества, не говоря уже о самом ее радикальном крыле. Заволновалась и вся ссылка, а это было чревато для самодержавия новыми эксцессами.

Фактически мучительная смерть Иванова (1887) и Сургутский протест (1888) явились прологом уже кровавой Якутской трагедии (1889). Поводом к ней послужило столкновение политссыльных, предназначенных к отправке из Якутска в Средне-Колымск. Ситуация разворачивалась следующим образом. После отъезда губернатора области генерала Светлицкого, весьма либерально настроенного по отношению к ссыльным, его заместил недавно прибывший в регион вице-губернатор Осташкин. Этот типичный бюрократ, твердо веривший в силу начальствующих предписаний, не считаясь с местными условиями, сразу же решил изменить ранее установленный порядок следования до Средне-Колымска, что делало поездку по такому трудному маршруту рискованной. Один из участников этой истории М. В. Брамсон вспоминал: «Трудный и долгий путь из Якутска в Колымск и при прежних, более или менее сносных, условиях был сопряжено со многими серьезными опасностями; при новом же порядке, установленном Осташкиным, эти опасности усугублялись, особенно, если принять во внимание, что в числе назначенных к отправке были женщины и даже дети» [26, с. 11].

Ссыльные попытались добиться отмены этого решения, апеллируя к разуму новоиспеченного «владыки области». Однако из этого ничего не получилось. Тогда они попытались мирно договориться и написали тождественные заявления на имя Осташкина. В них подробно излагались условия пути в Средне-Колымск, а также подчеркивалось, что новый порядок отправки при данных физических и климатических условиях угрожал жизни отправляемых, содержалась просьба об отмене новых правил отправки [26, с. 13].

Полицмейстер Якутска принял эти заявления, пообещав привести их на квартиру ссыльного Я. Ноткина в доме Монастырского, где собрались все остальные в составе 30 человек (из них 8 женщин) [26, с. 43]. Но вместо ответа 22 марта 1889 г. власти попытались силой доставить «отказников» в полицейское управление. Начались переговоры, но местные держиморды уже приняли решение действовать грубой силой, в итоге солдаты ворвались в дом и «отработали» штыками и прикладами. Ссыльные оказали сопротивление, и в комнате возникла перестрелка. Как описывал последствия первого столкновения один из выживших очевидцев: «Когда густой пороховой дым рассеялся <...> мы уцелевшие от солдатских штыков и пуль, бросились на помощь раненым. Но не одни только раненые были среди нас. В углу, у задней стены, <...> сидел бездыханный Пик с простреленной головой <...> в соседней комнате в страшных предсмертных муках умирала его жена, Софья Гуревич, у которой штыками был распорот живот. Пулей ранены были Минор и Орлов, штыками особенно тяжело Матвей Фундаминский, получивший несколько глубоких колоты ран, Зороастрова, Капгер, Осип Эстрович и Ноткин <...> тяжело ранен штыком в паховую область Коган-Бернштейн» [26, с. 17].

В числе активных участников сопротивления оказались и революционеры, высланные в Сургут – это Н. Л. Зотов и М. П. Орлов. Николай Львович Зотов во время штурма дома Монастырского первым начал отстреливаться. Он легко ранил командовавшего солдатами подпоручика Карамзина, а позднее, когда к дому прибыл прямой виновник произошедших событий Осташкин, революционер покушался на его жизнь, но револьверная пуля, отскочив от пуговицы на шинели, лишь слегка поцарапала сановного чиновника [26, с. 17]. В ответ на это солдаты, находившиеся вне дома, начали палить по нему из винтовок. Огонь не сразу прекратился, несмотря на крики осажденных «Сдаемся!», «Перестаньте стрелять!».

В конце концов военная сила взяла верх: протест подавили, его итогом стало убийство шести ссыльных, еще пятеро были тяжело ра-

нены и трое легко ранены [26, с. 17]. Среди «осаждавших дом» солдат и полицейских, кроме офицера, «отделавшегося легким испугом», смертельное ранение получил полицейский Хлебников [26, с. 193]. После захвата ссыльных всех выживших участников столкновения арестовали, и над ними началось следствие. После проведенного дознания военно-судебная комиссия вынесла суровый вердикт, проговорив к смертной казни трех человек – Н. Л. Зотова, А. Л. Гаусмана и Л. М. Когана-Бернштейна. Их казнили 7 августа 1889 г., причем не оправившегося еще от штыковой раны Льва Когана-Бернштейна прямо на кровати принесли на эшафот и уже там «на него одели петлю, а кровать из-под него вытащили» [26, с. 33]. Многим участникам «якутской бойни» усилили меру наказания, приговорив их к каторжным работам [26 с. 27]. Инициатор столкновения вице-губернатор Осташкин получил полное одобрение высшей власти и был утвержден в должности губернатора [26, с. 34].

Естественно, что эта кровавая драма еще более подняла градус насилия в Российской империи. В своем прощальном письме к М. П. Орлову Н. Л. Зотов написал: «Употребите все свои силы и под впечатлением свежим финала этих ужасов, этой бойни, этой резни – эксплуатируйте всеми способами и всеобщими усилиями эту драму, этот колоссальный пример жестокости, самоуправства, бесчеловечности русского деспотизма и его системы! Пишите во все концы нашей матушки и мачехи, и за границу, и Кеннам всяким. Над этим стоит поработать. Это единственное, чем мы можем окупить потери этой расправы» [26, с. 79].

Действительно, и Сургутский протест, и Якутская трагедия получили мировую огласку, нанеся серьезнейший имиджевый урон российскому самодержавию [27].

Еще более страшным итогом этого жестокого противостояния между властью и оппозицией даже в таких медвежьих углах империи, как Сургут и Якутск, являлись усиливавшееся насилие и контрнасилие между властью и революционерами. Причем самодержавие, стремившееся своими действиями только карать злоумышленников, во многом само способствовало появлению мощнейшего «героического мифа» о русских революционерах, ставшего притягательным для грядущих поколений молодежи [28, с. 41–61]. Более того, даже в конце 1880–1890-х гг., когда революционное движение было подавлено и пошло на спад, власть по-прежнему действовала преимущественно репрессивными методами, постоянно множа ряды недовольных. Примером тому являлся постоянный рост числа административно высылаемых: если таковых оказалось в 1883 г. 303 человека, то в 1899 г., их зафиксировано уже 1 414 человек [29, с. 58].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Символическим итогом этого сражения Давида и Голиафа стало то, что менее чем через три десятка лет после описанных событий в августе 1917 г. в Тобольске оказался уже последний самодержец Российской империи Николай II. Человеком, отвечавшим за его доставку и пребывание, являлся Василий Панкратов, комиссар Временного правительства, бывший народоволец, который провел около 15 лет в Шлиссельбургской крепости. Символично и то, что в 1918 г. Тобольск от белых освобождали части Красной армии, которыми командовал сын сургутского ссыльнопоселенца Сергей Витальевич Мрачковский [30, с. 75]. Таким образом, круг насилия и контрнасилия замкнулся, похоронив под собой Российскую империю.

Список источников

1. Левандовский А. А. Железный век. М. : АРБОР, 2000. 214 с.
2. Савинков Б. В. То, чего не было : роман, повести, рассказы, очерки стихотворения. М. : Современник, 1992. 719 с.

References

1. Levandovsky A. A. Zhelezny vek. Moscow: ARBOR; 2000. 214 p. (In Russ.).
2. Savinkov B. V. To, chego ne bylo: roman, povesti, rasskazy, ocherki stikhotvoreniya. Moscow: Sovremennik; 1992. 719 p. (In Russ.).

3. Троицкий Н. А. Друзья народа или бесы? Как и кого защищали народники // *Родина*. 1996. № 2. С. 67–72.
4. Левандовский А. Бомбисты. Продолжаем дискуссию о феномене русских революционеров-народников // *Родина*. 1996. № 4. С. 48–56.
5. Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // *Отечественная история*. 1999. № 1. С. 3–18.
6. Троицкий Н. А. Прямой ответ на «Круглый стол» // *Отечественная история*. 1999. № 6. С. 184–186.
7. Литвинова А. Н., Литвинов Н. Д. Первая кровь России: зарождение революционно-террористического движения в Российской империи. 1861–1879 гг. : моногр. Воронеж : Межрегион. общенац. центр «Антитеррор», 2006. 287 с.
8. Литвинов Н. Д., Журавель В. П. Чигиринское восстание, как форма европейской гибридной войны на территории России. 1876–1877 гг. // *Юридическая наука: история и современность*. 2018. № 2. С. 64–85.
9. Стариков Н. В. От декабристов до террористов. Инвестиции в хаос. СПб. : Питер, 2017. 352 с.
10. Дебогорий-Мокриевич В. К. От бунтарства к терроризму : кн. I. М.–Берлин. : Директ-Медиа, 2015. 428 с.
11. Морозов Н. А. Повести моей жизни. М. : Изд-во «Наука», 1965. Т. 1. 407 с.
12. Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М. : Изд-во МГУ, 1991. 254 с.
13. Троицкий Н. А. Крестonosцы социализма. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2002. 370 с.
14. Кони А. Ф. Дело Веры Засулич. М. : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2015. 315 с.
15. Революционеры 1870-х годов: воспоминания участников народнического движения в Петербурге / сост. В. Н. Гинев. Л. : Лениздат, 1986. 439 с.
16. Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / сост. Л. П. Рощевская, В. К. Белобородов. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. 432 с.
17. Милевский О. А. Политическая ссылка 1860–1890-х годов на Тобольский Север: социокультурный контекст. Тюмень : Аксиома, 2017. 129 с.
18. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-330. Оп. 8. Д. 84.
19. Милевский О. А. Судьбы безвестные. Очерки российской политической ссылки и каторги последней трети XIX в. Сургут : РИО БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2024. 202 с.
20. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 8. Д. 400.
21. «Сибирская газета» в воспоминаниях современников. Томск : Изд-во научно-технической литературы, 2004. 200 с.
22. Рощевская Л. П. «Сургутская история» (Волнения политических ссыльных 80-х годов XIX века в Западной Сибири) // *Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России*. 1977. С. 48–84.
3. Troitsky N. A. Druzya naroda ili besy? Kak i kogo zashchishchali narodniki. *Rodina*. 1996;(2):67–72. (In Russ.).
4. Levandovsky A. Bombisty. Prodolzhaem diskussiyu o fenomene russkikh revolyutsionerov-narodnikov. *Rodina*. 1996;(4):48–56. (In Russ.).
5. Osvoboditelnoe dvizhenie v Rossii: sovremennyy vzglyad ili priverzhennost traditsiyam? “Krugly stol”. *Otechestvennaya istoriya*. 1999;(1):3–18. (In Russ.).
6. Troitsky N. A. Pryamoy otvet na “Krugly stol”. *Otechestvennaya istoriya*. 1999;(6):184–186. (In Russ.).
7. Litvinova A. N., Litvinov N. D. Pervaya krov Rossii: zarozhdenie revolyutsionno-terroristicheskogo dvizheniya v Rossiskoy imperii. 1861–1879 gg. Monograph. Voronezh: Mezhtregion. obshchenats. tsentr “Antiteror”; 2006. 287 p. (In Russ.).
8. Litvinov N. D., Zhuravel V. P. Chigirinskoe uprising as a form of European hybrid war in Russia. 1876–1877. *Legal science: history and the presence*. 2018;(2):64–85. (In Russ.).
9. Starikov N. V. Ot dekabristov do terroristov. Investitsii v chaos. Saint Petersburg: Piter; 2017. 352 p. (In Russ.).
10. Debogory-Mokrievich V. K. Ot buntarstva k terrorizmu. Book I. Moscow–Berlin: Direkt-Media; 2015. 428 p. (In Russ.).
11. Morozov N. A. Povesti moye zhizni. Moscow: Izd-vo “Nauka”; 1965. Vol. 1. 407 p. (In Russ.).
12. Novitsky V. D. Iz vospominaniy zhandarma. Moscow: Izd-vo MSU; 1991. 254 p. (In Russ.).
13. Troitsky N. A. Krestonostsy sotsializma. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta; 2002. 370 p. (In Russ.).
14. Koni A. F. Delo Very Zasulich. Moscow: Knizhny Klub Knigovek; 2015. 315 p. (In Russ.).
15. Revolyutsionery 1870-kh godov: vospominaniya uchastnikov narodnicheskogo dvizheniya v Peterburge. Ginev L., complier. Leningrad: Lenizdat; 1986. 439 p. (In Russ.).
16. Roshchevskaya L. P., Beloborodov V. K., compliers. Tobolsky Sever glazami politicheskikh sslynykh XIX–nachala XX veka. Yekaterinburg: Sred-Ural. kn. izd-vo; 1998. 432 p. (In Russ.).
17. Milevsky O. A. Politicheskaya ssylka na Tobolsky Sever: sotsiokulturny kontekst. Tyumen: Aksioma; 2017. 129 p. (In Russ.).
18. State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive” in Tobolsk (GBU TO GA v g. Tobolske). F. I-330. Op. 8. D. 84. (In Russ.).
19. Milevsky O. A. Sudby bezvestnye. Ocherki rossiiskoy politicheskoy ssylki i katorgi posledney trety XIX v. Surgut: RIO BU Surgut State Pedagogical University; 2024. 202 p. (In Russ.).
20. State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive” in Tobolsk (GBU TO GA v g. Tobolske). F. I-152. Op. 8. D. 400. (In Russ.).
21. “Sibirskaya gazeta” v vospominaniyakh sovremennikov. Tomsk: Izd-vo nauchno-tekhnicheskoy literatury; 2004. 200 p. (In Russ.).

23. Швецов С. К «предыстории» Якутской бойни // Каторга и ссылка. 1929. № 4. С. 119–128.
24. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 12. Д. 65.
25. Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылки // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 92–117.
26. Якутская трагедии. 22 марта (3 апреля) 1889 года : сб. воспоминаний и материалов / под ред. М. А. Брагинского и К. М. Терешкевича. М. : Тип. изд-ва Брокгауз-Ефрон, 1925. 224 с.
27. Good E. America and the Russian revolutionary movement, 1888–1905 // Russian Review. 1982. Vol. 41, no. 3. P. 273–287.
28. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 207 с.
29. Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. М. : Мысль, 1979. 350 с.
30. Показаньев Ф. Я. Город древний, город славный. Сургут : Северный дом, 1994. 160 с.
22. Roshchevskaya L. P. “Surgutskaya istoriya” (Volneniya politicheskikh ssylnykh 80-kh godov XIX veka v Zapadnoy Sibiri). *Klassovaya borba i obshchestvenno-politicheskaya zhizn dorevolutsionnoy Rossii*. 1977:48–84. (In Russ.).
23. Shvetsov S. K. “predystorii” Yakutskoy boyni. *Katorga i ssylka*. 1929;(4):119–128. (In Russ.).
24. State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive” in Tobolsk (GBU TO GA v g. Tobolske). F. I-152. Op. 12. D. 65. (In Russ.).
25. Surgutyanin. Sto let Surgutskoy ssylke. *Katorga i ssylka*. 1929;(12):92–117. (In Russ.).
26. Braginsky M. A., Tereshkevich K. M., eds. Yakutskaya tragediya. 22 marta (3 aprelya) 1889 goda. Sb. mat-ov. Moscow: Tip. izd-va Brokgauz-Efron; 1925. 224 p. (In Russ.).
27. Good E. America and the Russian revolutionary movement, 1888–1905. *Russian Review*. 1982;41(3):273–287.
28. Mogilner M. Mifologiya “podpolnogo cheloveka”: radikalny mikrokosm v Rossii nachala XX v kak predmet semioticheskogo analiza. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 1999. 207 p. (In Russ.).
29. Troitsky N. A. Tsarizm pod sudom progressivnoy obshchestvennosti. 1866–1895 gg. Moscow: Mysl; 1979. 350 p. (In Russ.).
30. Pokazanev F. Ya. Gorod drevniy, gorod slavy. Surgut: Severny dom; 1994. 160 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О. А. Милевский – доктор исторических наук, доцент, профессор.

About the author

O. A. Milevsky – Doctor of Sciences (History), Docent, Professor.